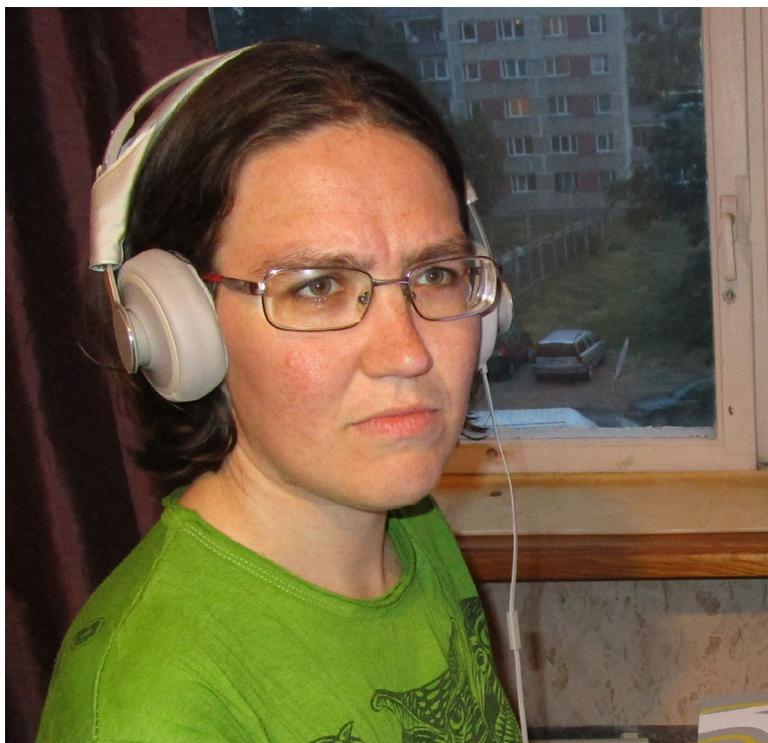

ИНТОНИРОВАНИЕ ПОЗИЦИЙ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНТЕРВЬЮ, ИЛИ МУЗЫКА СО СМЫСЛОМ¹

Александра Константиновна Касаткина

младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: alexkasatkina@gmail.com

¹ Данная публикация была подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

Аннотация. В этом этнографическом этюде автор задается вопросом о связи голоса, интонирования и субъектной позиции, занимаемой рассказчиком в ситуации исследовательского интервью. Используется идея полифонического текста М. Бахтина, диалогическая теория «я» Х. Херманса и инструментарий позиционного анализа Р. Харре. Позиции рассматриваются как пространственная проекция диалогического «я», которая позволяет увидеть, как оно разворачивается в высказывании, и таким образом объяснить противоречия и непоследовательность устной речи, связанные с ее полифоническим характером. Анализируя интервью с дачниками, которые вспоминают, как осваивали свои участки в последние советские годы, а значит, вынуждены занимать ту или иную позицию по отношению к самим себе в прошлом, автор показывает, как интонационное исполнение речи (тон, смех) позволяет рассказчику занимать, осваивать, совмещать и делегировать позиции.

Ключевые слова: устная речь, позиции, диалогическое «я», интервью, интонация, память о советском.

Устная речь мимолетна и ненадежна. Когда люди говорят, они непоследовательны, непостоянны и противоречат сами себе. Сказанное существует во времени, а не в пространстве. Его не окинуть взглядом, к отзвучавшим словам не вернуться, чтобы сопоставить и обнаружить противоречия. Но если признать непоследовательность и противоречивость родовыми чертами устной речи, окажется, что они сами по себе полны смысла, а их подвижное устройство можно изучать.

Бахтин и то, что было потом

На возможность равноправного сосуществования противоположных точек зрения в пределах одного полифонического текста обратил внимание М. Бахтин [Бахтин 1972]. Нидерландский нарративный психолог Х. Херманс положил эту идею в основу своей диалогической теории «я». Он предложил понимать человеческую субъективность не как стабильное согласованное единство сознания и действия, а как децентрализованную «динамическую множественность позиций» [Hermans: 258]. Термин «позиция» и позиционный анализ как инструмент для аналитической работы с ситуативными версиями «я», производимыми в дискурсе, в конце 1990-х гг. был разработан британским социальным теоретиком Р. Харре, в том числе для анализа устной речи [Harré, van Langenhove]. Пред-

ложенная им пространственная проекция диалогического «я» позволяет увидеть, как оно разворачивается в высказывании, и таким образом объяснить противоречия и непоследовательность, связанные с полифонией.

Могут ли позиции звучать по-разному? В статье о речевых жанрах Бахтин обратил внимание на роль интонации при передаче чужой речи и предположил, что в ней может быть выражено отношение к цитируемому высказыванию [Бахтин 1996]. Профессионально работая с художественными текстами, Бахтин почти не обращался к живым примерам, когда рассуждал об устной речи. Зато социальный исследователь, который имеет дело с полевыми интервью и интересуется именно смыслом, а не лингвистической формой, располагает эмпирическим материалом, позволяющим проследить, как именно интонация и – шире – мелодика связаны с динамикой позиций, которые выбираются и осваиваются в ходе взаимодействия, опосредованного телом и голосом.

Ухо или протез вместо уха?

Сказать по правде, социальные исследователи не очень-то привыкли слушать свои интервью. Обычно мы работаем с транскриптом – аудиозаписью, превращенной в текст, – потому что расшифровка дает длящейся во времени речи пространственное расширение. Результат – та самая «са-

моампутация», о которой писал М. Маклюэн: пользуясь медиумом – транскриптом, мы лишаем себя доступа к целому пласту не опосредованной технологически информации [Маклюэн: 52]. Ведь как бы мы ни старались, далеко не все, что регистрирует наше ухо, попадает в расшифровку.

Существует множество конвенциональных способов транскрибирования устной речи, и социальные исследователи делают выбор, ориентируясь на свои интересы и избранный метод [Квале]. Те, кому важно работать с формой высказывания и характером взаимодействия, стараются воссоздать звучащую речь на письме, пользуясь условными или нотационными знаками (в том числе системой Г. Джефферсон, разработанной для конверсационного анализа [Jefferson]). Те, кого интересует только содержание высказываний, менее требовательны к деталям и подчас обходятся простым конспектированием слов своих собеседников. Выбор способа транскрибирования влияет на дальнейшую интерпретацию данных интервью [Bucholtz].

Свои интервью с владельцами садовых участков я расшифровывала как можно ближе к звучащей речи, но использование условных знаков свела к минимуму, чтобы расшифровку было удобнее читать: *курсив* – чтобы привлечь внимание к особому интонированию, *курсив и скобки* – для паралингвистических комментариев, *точки*

(.....) – для длительной паузы, **звездочки** – для обозначения границ паралингвистического события, наложившегося на речь (смеха, вдоха). Это значит, что, если меня интересует интонация, которую сложно формализовать и свести к элементарному нотационному знаку, я возвращаюсь к аудиозаписи.

Голоса постсоветских дачников

Почему владельцы садовых участков? Началось все с интервью для диссертационного исследования этнографии (пост)советских садоводческих товариществ. Мои собеседники получали и разрабатывали свои шесть соток в период перестройки, во второй половине 1980-х гг. В середине 2000-х гг., когда я начинала свое полевое исследование, дачные разговоры со мной стали для них поводом вспомнить себя двадцатилетней давности, когда они не просто были моложе, но и жили в другой стране и принадлежали другой культуре, которой больше нет. Именно в этой дискурсивной буферной зоне, созданной нашими интервью, возникла сложная игра позиций, в которую включился и интервьюер.

Вот, например, А.В. рассказывает мне историю. На самом деле, две истории – одна проступает через другую. Рамочная история – о том, как А.В. нашел компромисс со своим «совковым» страхом рубить деревья на участке без разрешающего документа.

Добавочная – о том, как хорошо ему было на участке в первую дачную зиму 1985 г.¹:

Аудио 1. Фрагмент интервью с А.В.

А.В.: ...Поэтому вроде как все это, добро-то дано, но формально еще порубочного талона не было.... А я не м-... вот... мне... я говорю, что: *немножко завелся, да?* (**весело**) Я приезжал сюда буквально с января-месяца.... И вот помню, это для меня, вот, и эта картина (*коротко смеется*) – приятное на всю жизнь воспоминание. Лес, да?

И.: Угу.

А.В.: Никого нету, птички поют. Естественно, это самое мм... ну, там, зима, видимо, мягкая была, не очень холодно было. Но все равно снег, все такое. Вот...Вот он, тв- (*смеется*) *твой участок* (**со смехом**), а ничего сделать нельзя. Ну а хочется, да? Вот. А приезжаешь – как, да? с рюкзаком, в рюкзаке термос, там, какие-то бутерброды... потому что ты приехал утром, вечером ты уезжаешь. Ночевать-то, естественно, – никакого... нельзя было. Вот. И – с чего начал? Ну, рубить нельзя, но *ветки можно рубить!* (**с громким смехом**) И я топориком начал нижние еловые веточки обрубать. И вот у меня такая получилась копна из веток, я их в одно место скла[дыва]... Знаете, вот это просто прекрасно, да? Вот, поруби... по- – это, видимо, самый первый день был, да? – вот

эта у меня копна из веток еловых, значит, ээээ... вроде как обед, достаю этот термос, *сажусь в эту вот копну!..* (**в голосе смакование момента* смеется*)

И.: Устроили себе, да, гнездо! (*смеется*)

А.В.: Вот.

И.: Ага.

А.В.: *Солнышко! Снежок! Птички! (*усмехается*) И я чаек попиваю.* (**радостно**) То есть конечно, это, вот, так сказать, вот, это лирика. Вот. А потом – ну все равно, да? Ну все, ветки все срублены нижние, да? Начал... продолжать с маленьких елочек: ну, думаю, за *елочки* (**со смехом**) не оштрафуют. А потом – ну, понимаешь же, что это все страхи такие, да? совковые еще.

И.: Угу.

А.В.: Вот.

Как понять, что это разные истории? Прежде всего, на это указывают слова – рамочные комментарии, которые выделяются и интонационно: А.В. разговаривает громко и эмоционально, а эти фразы произносит, снижая тон, потише, поспокойнее, голосом уводит их в скобки. Или это только кажется уху, которое готово к тому, что рамка будет выделена интонационно?

«И вот помню, это для меня, вот, и эта картина (*коротко смеется*) – приятное на всю жизнь воспоминание» – здесь начинается кино: лес, никого, птички поют, зима... А.В. предлагает слушателю-зрителю разделить

¹ Интервью с А.В., 1950 г.р., инженер, дача в Тосненском р-не Ленинградской области с 1985 г. Записано в 2008 г. на даче А.В. Длительность 3 ч. 16 мин.

с ним позицию внутри движущейся картинки из своей памяти.

«Знаете, вот это просто прекрасно, да?» – отвлекшись, было, на «совковые страхи», А.В. возвращается к «приятному воспоминанию», кино о дне в зимнем лесу продолжается.

«То есть, конечно, это, вот, так сказать, вот, это лирика» – рамочный и даже жанровый комментарий для всей вложенной истории в целом.

Только эти дискурсивные рамки позволяют понять, что смех, который постоянно сопровождает слова А.В., – это разный смех. На слух разницы никакой. Может быть, лабораторный акустический анализ и покажет какие-то различия. Но в повседневном разговоре в нашем распоряжении только один прибор – уши, и они разницу не слышат. А смех – разный. Он оформляет разные темпоральные конфигурации позиций. В ироничном рассказе о «совковых страхах» смех – маркер расщепления, разрыва между позициями и временами. А.В. в разговоре со мной в 2008 г. вспоминает, как было страшно в 1985 г., и смеется, артикулируя дистанцию между собой нынешним и тем собой, который тогда боялся рубить елки. Только из своей нынешней позиции он может назвать свои переживания 1985 г. «совковыми страхами». А вот когда А.В. ностальгически погружается в субъективно окрашенное и сенсорно насыщенное приятное воспоминание, расщепления нет, он сливается с тем собой, которому было хорошо, и смеется от радости.

Есть здесь и еще одно расщепление – то, которое придает форму этой зарисовке из начала дачной жизни: «Вот он, тв- (смеется) *твой участок* (*со смехом*), а ничего сделать нельзя». Другими словами: так хорошо тихим зимним днем в лесу на своем участке, но страшно начать работать без письменного разрешения! А.В. иронически сопоставляет позиции хозяина-дачника и человека, подчиненного бюрократической («совковой») системе. Смех оформляет зазор между ними.

В переплетении двух линий повествования и двух темпоральных позиционных конфигураций складывается характерная архитектура истории, которую рассказывает А.В. Только положив перед собой расшифровку, выделив рамочные комментарии и сопоставив их с паралингвистическими аспектами речи – смехом и интонациями, можно понять, как устроена эта история и о чем смеется рассказчик. Такая возможность есть у исследователя, который слушает аудиозапись, читая текст расшифровки. Или читает – слушая. А каково это – быть исследователем, оставаясь участником беседы, который должен понимать слова с голоса, непосредственно, на слух, и тут же, без промедления, реагировать?

Ниже я покажу, как может повернуться разговор, если собеседник-интервьюер не сумел

Аудио 2. Фрагмент интервью с Ю.А.

отличить веселую иронию от горькой, а смех шуточный – от смеха, указывающего на расщепление позиций².

Ю.А.:...Сейчас у меня вообще «идея-фикс» (выделяет тоном).

И.: Угу.

Ю.А.: (смешок) Дело в том, что ееш... ну... когда я строил домик, в общем-то, материалов-то практически не было никаких. Был «Юный техник» магазин,

И.: Угу.

Ю.А.: так? Был магазинчик от завода Егорова, где продавали всякие отходы. Вот... И еще какой-... а, «балалаечная фабрика» (смеется)

И.: Какая фабрика?..

Ю.А.: Вот. Ну, есть такая фабрика ееш т... т... таких вот инструментов. Ну, там где гитары продавали,

И.: Аа! (смеется)

Ю.А.: Вот. Это на Чапаева.

И.: А, да-да-да, знаю ее хорошо. Ага.

Ю.А.: Вот. И вот там всякие разные отходы.

И.: Деревяшки? (смеется)

Ю.А.: Да... И очень много ДСП я оттуда вывез. Вот. И домик оббивал этими ДСП (медленно, задумчиво).

И.: Мм.

Ю.А.: Ну, они такие, трухлявые, вот, поэтому сейчас я занят тем, что (тихий смешок) я собираю выброшенные «полировки» от шкафов (смеется)

И.: Аа! (тихо смеется)

Ю.А.: Вот. И весь свой дом... – у меня теперь домик-пряник. Вот.

И.: Как шкаф (смеется).

Ю.А.: А?

И.: Как шкаф (смеется).

Ю.А.: Да. Да. Вот. Это – ну да, экспериментальная вещь... (смешок)

В истории о том, как в середине 2000-х гг. вместо ДСП, добытых в перестроечные времена дефицита и уже пришедших в негодность, мой собеседник обшивает свой домик найденными на свалках панелями шкафов, я считываю особую интонацию и смешки как проявление иронии. Я не только поддерживаю шуточную модальность этого рассказа смехом, но и пытаюсь вступить в игру, сравнивая «домик-пряник», обитый полированными деталями мебели, со шкафом. Ю.А. переспрашивает. Одно это уже заставляет предположить, что мы с ним находимся на разных «волнах». Получив ответ, он реагирует сдержанно и переиначивает мое шуточное определение, добавляя своей конструкторской идее серьезности и весомости (не «шкаф», а «экспериментальная вещь») и приводя аргумент в защиту резонности такого выбора: «Ну а что? Полированный, красить не надо». Мой репликовый ход выводит разговор на новый тематический виток.

¹ Интервью с Ю.А., 1938 г.р., инженер, дача в Волховском р-не Ленинградской области с 1989 г. Записано в 2007 г. в квартире Ю.А. в Петербурге. Длительность 1 ч. 27 мин.

И постепенно ситуация проясняется:

И.: Ну сейчас же материалы не так уж сложно достать.

Ю.А.: У меня денег нет теперь! (*шутливо обиженным тоном, усмехается*).

И.: Аа! Ну да.

Ю.А.: Нет, ну, материалы можно достать (*со смешками*), только что с деньгами сложность. Да ну! Да и смысла нету. Ну- ну какой смысл?

И.: В смысле, это, покупать?

Ю.А.: Да.

И.: А, если валяется, да?

Ю.А.: Платить большие...

И.: Угу.

Ю.А.: деньги. Ну и... Вот мне говорят, что вот эта «полировка», значит, она долго не выдержит, на морозе, там, потрескается, то, се. Ну потрескается – хрен с ним! Тогда я возьму дрель, возьму эту самую, корщетку, немножко зашерашавлю

И.: Аа.

Ю.А.: эту «полировку» и покрашу.

Резкое снижение уровня жизни после перестройки – мотив, постоянно возникающий в нашем разговоре с Ю.А. Проигнорировав это не проговариваемое, но подразумеваемое экономическое обстоятельство, я побудила моего собеседника прояснить и более четко обозначить ту критическую точку зрения, с которой он полемизировал с самого начала эпизода. И вот тут, задним числом, стало понятно: когда Ю.А. называет свое конструк-

торское решение «идеей-фикс», он озвучивает позицию тех, кто указывает ему на хрупкость «полировок».

Чтобы отделить позицию самого Ю.А. от представляемой им тут же позиции скептиков, не одобряющих его затею, нужно принять во внимание и выбор лексики, и интонацию, которую ухо распознает как ироническую (а слов для более детального ее описания не хватает). Именно с помощью интонации Ю.А. дистанцируется от позиции, которую исполняет, но не разделяет. Этот зазор отмечен смешками. Исключением из локального правила становится вставка о «балалаечной фабрике», где смех подчеркивает шуточный характер вернакулярного названия фабрики им. Луначарского. И снова разница между действиями, которые исполняются посредством смеха, не уловима на слух.

Но когда Ю.А. сообщает о результате своих трудов – «у меня теперь домик-пряник», – он оценивает его положительно, усиливая эту оценку с помощью ровного и серьезного тона. Тут мой собеседник выражает свое отношение к удавшемуся проекту. И потому шутка про шкаф не встречает понимания. Ведь Ю.А. не шутил. Для него в «домике-прянике» из остатков мебели нет ничего комического. Да и себе изобретатель отводит в этой истории благородную роль искателя, создающего «экспериментальную вещь», и дистанцируется таким образом от клиентов городских свалок или домашних «кулибиных».

Неверно интерпретировав интонацию, я невольно переместилась на позиции критиков Ю.А. После этой осечки мой собеседник отказался от экспериментов с двойными посланиями и от параллельного исполнения позиций за себя и того парня. Его смех теперь указывает не на расщепление рассказчика, а на его сложные отношения с постсоветским миром-перевертышем, где появились материалы, но не стало денег. Вот уж, смешно! Ю.А. напоминает мне о финансовых проблемах, которые вынудили его обратиться к строительным практикам времен дефицита, обосновывает свое технологическое решение, а главное – эксплицирует и окончательно делегирует другим критическую позицию: «Вот мне говорят...».

Интонационное исполнение речи, как я постаралась показать, позволяет занимать, осваивать, совмещать и делегировать позиции в процессе взаимодействия. Лавируя голосом между этими позициями, один мой собеседник сумел дистанцироваться от «совковой» версии себя, другой – продемонстрировал непростые отношения, которые выстраиваются вокруг советских практик хозяйствования в постсоветскую эпоху. Так, с помощью голоса и нарратива, складываются очертания и смысл рассказанного мира. Лучший способ их увидеть и понять – одновременно смотреть в транскрипт и слушать голос. Потому что звучащая речь – это не текст. Это – музыка со смыслом.

Литература

Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Квале, С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.

Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003.

Bucholtz, M. (2000). The Politics of Transcription. *Journal of Pragmatics*, 32(10), 1439–1465.

Harré, R., van Langenhove, L. (1999). Introducing Positioning Theory. In *Positioning Theory. Moral Contexts of Intentional Action*. Oxford: Blackwell, 14–31.

Hermans, H. (2001). The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning. *Culture and Psychology*, 1(3), 243–281.

Jefferson, G. (2004). Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. In G.H. Lerner (Ed), *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 13–31.

References

Bakhtin, M.M. (1972). *Problemy poetiki Dostoyevskogo*. [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Bakhtin, M.M. (1996). Problema rechevykh zhanrov. [The Problem of Speech Genres]. In

M.M. Bakhtin. *Sobraniye sochineniy*. [Collection of Works]. Vol. 5: Works of 1940–1960s. Moscow: Russkiye slovari, 159–206

Bucholtz, M. (2000). The Politics of Transcription. *Journal of Pragmatics*, 32(10), 1439–1465.

Harré, R., van Langenhove, L. (1999). Introducing Positioning Theory. In *Positioning Theory. Moral Contexts of Intentional Action*. Oxford: Blackwell, 14–31.

Hermans, H. (2001). The Dialogical Self: Toward a Theory of Personal and Cultural Positioning. *Culture and Psychology*, 1(3), 243–281.

Jefferson, G. (2004). Glossary of Transcript Symbols with an Introduction. In G.H. Lerner (Ed), *Conversation Analysis: Studies from the First Generation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 13–31.

Kvale, S. (2003). *Issledovatel'skoye interv'yū*. [Research Interview]. Moscow: Smysl.

McLuhan, M. (2003). Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya chloveka [Understanding Media: the Extensions of Man]. Moscow: Kanon-Press-TS; Kuchkovo pole.

INTONATING POSITIONS IN A RESEARCH INTERVIEW, OR MUSIC WITH SENSE

Alexandra K. Kasatkina, Junior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia; e-mail: alexkasatkina@gmail.com

Abstract. This ethnographic study is focused on the issue of the link between voice, intonation and subjective position occupied by a speaker in the situation of a research interview. The idea of polyphonic text by M. Bakhtin, the dialogical self theory by H. Hermans and the positioning theory by R. Harré are employed to build the conceptual framework. Positions are considered as a spatial projection of dialogical self, which enables one to see how it is unfolding in an enunciation and to explain contradictions and discontinuities typical of oral speech due to its polyphonic nature. Analysis of the two interviews with dacha owners who recollect how they started cultivating their dacha plots in the last Soviet years and have therefore to position themselves towards themselves in the past, shows that intonation performance of speech (tone or laughter) allows one to appropriate, combine and delegate positions.

Key words: oral speech, positions, dialogical self, interview, intonation, memory of the Soviet.

